

Хотя в области гуманитарного образования в Чехии тех десятилетий господствующее место принадлежало ордену иезуитов, а в университете царяла средневековая схоластика, посещение философского факультета не прошло для М. Суворова бесследно. О круге его интересов свидетельствовал состав книг, приобретенных им в бытность в Праге. Позднее уже в Петербурге, в 1724 г., он намеревался отдать эти книги в Синод, в связи с чем 30 сентября обратился с прошением, начинавшимся словами: «Имею я латинских, немецких и нечто французских разных форматов книг, считая по переплету 65, а по экземплярам . . . 100 книг, которых каталог при сем прошении прилагаю. И желаю, дабы вашего святейшества милосердное признание повелено было оные мои книги принять в синодальную библиотеку за самую в Праге (не считая провоза и мыта) данную за них цену за 50 рублей, а вместо моих книг за означенную пятидесятирублевую сумму повелено было мне выдать из типографии славенороссийскими книгами, какие мне потребны».³⁹

Приложенный к прошению каталог до сих пор не находился в поле зрения исследователей.⁴⁰ Между тем анализ его небезынтересен. Во-первых, он позволяет составить представление о широком круге интересов владельца собрания, поскольку здесь значились книги по математике, юриспруденции, философии, географии и педагогике, энциклопедические словари, изданные в таких центрах раннего Просвещения, как Лейден и Амстердам и в немецких городах Нюрнберге, Лейпциге, Магдебурге, Кельне. Во-вторых, каталог, составленный М. Суворовым, документально засвидетельствовал, какие книги можно было приобрести в Праге в 1720-е годы. Последнее важно для характеристики интеллектуальной жизни столицы Чешского королевства в десятилетия наивысшего разгула политики контрреформации.

Сложнее обстоит дело с вопросом об отношении русских людей к собственно чешской культурной среде. Как можно заключить из ряда доношений, русские переводчики до прибытия в Прагу чешским языком вообще не владели, были «неспособны» ему и стали свykаться с ним — одни быстрее, другие медленнее — лишь в процессе литературной работы. Трудно судить, насколько они при этом делали различие между чешской и немецкой городской средой, характерной для Праги XVIII в. Вопрос этот, однако, нельзя считать праздным, поскольку именно в годы пребывания русских переводчиков здесь происходило некоторое оживление чешского национально-культурного самосознания. Достаточно указать, что с 1719 г. видный издатель Карел Розенмюллер стал выпускать первую газету на чешском языке «Чешский почтальон». В газете этой часто и в благожелательном духе писалось о России, о ее внешней и внутренней политике и культуре.⁴¹ Проходило ли все это мимо внимания русских переводчиков? А быть может, они имели какое-либо отношение к источникам русской информации чешского издателя? К сожалению, на подобные вопросы пока ответить трудно.

Некоторый свет на проблему контактов русских с чехами проливает введенный недавно А. В. Флоровским в научный оборот новый важный документ теплившегося в Чехии начала XVIII в. славянского самосознания — обращение к императору 3 марта 1722 г. некоего Антонина Шимонка с просьбой разрешить выполнить чешский перевод и издать какое-то историческое сочинение, связанное с борьбой против турецкой агрессии. Как видно из обращения, Шимонек несколькими годами ранее принимал участие в работе русских переводчиков и переводил с немецкого на чешский язык для намечавшегося далее русского перевода какого-то исторического сочинения. По предположению А. В. Флоровского, речь скорее всего шла о лексиконах

³⁹ ЦГИА, ф. 796, оп. 5, № 445, л. 1.

⁴⁰ Там же, № 463, л. 2—4.

⁴¹ Подробнее см.: А. С. Мыльников и Т. А. Мыльникова. Первая чешская газета о России. — Советское славяноведение, 1967, № 1, стр. 60—64.